

СЕРГЕЙ БОЙКО

Этот краткий историко-документальный очерк рассказывает об одной из первых страниц истории колхоза «Россия», Новоалександровского района. В нем описываются действительные события и называются подлинные имена и фамилии. Многие из героев очерка и сегодня живут в станице. Я благодарен им за помощь. Благодарен я и сотрудникам Ростовского, Краснодарского, Армавирского, Ставропольского архивов, которые раскрыли передо мной прошлое колхоза.

Не вдруг решили иногородние с хутора Майского объединиться в коммуны. Их толкнула на это суровая необходимость.

Когда-то трудолюбивые крестьянские руки вернули жизнь давно испаханной казачьей земле, и скоро вокруг хутора буйно зазеленела пшеница. Но не в свои закрома землеробы ссыпали богатый урожай — а амбары казачьих богатеев.

Началась гражданская война. Многие из мужиков ушли биться за землю, за власть народа. В двадцатом установили на хуторе и в станице Советскую власть. Ревком подсчитал размер земли, отобранной у атаманов, офицеров, церкви и врагов Советской власти, и раздал бедноте, всем безземельным.

Тихон Федосеевич Шанцев с поля вернулся поздним вечером. Отодвинув в сторону котелок дымящейся картошки, он поманил жену и заговорщически улыбнулся сыну, — а ну, показывай мамке, что мы с тобой сегодня заработали.

Девятилетний Ваня выложил на стол тряпицу и ловко раскрыл ее. Маленькой горкой перед Агафьей лежала земля.

— Неужели наша? — ахнула Агафья.

— А то чья же? Заживем теперь, мать! Хорошо заживем! В разгар трапезы во дворе залаял пес.

— Вот и гости пожаловали, — обрадовался Шанцев — Будет с кем погутарить.

Он вышел и скоро вернулся хмурый. За ним в хату вошел коренастый мужчина. На его моложавом лице выделялись аккуратно подстриженные офицерские усики.

«Гусар», — похолодела Агафья, узнав местного кулака. Степан Громов

по-хозяйски снял пальто, аккуратно положил его на скамью, рядом — фуражку с высоким верхом и присел к столу.

— Выпьем, что ли?

Тихон Федосеевич разлил стаканы и один поднес гостю. Тот выпил, поморщился и с хрустом откусил огурец.

— Значит, землю получил?

— Сражался за нее.

— Стал землевладельцем?

— Все мы теперь хозяева.

— А долги старые что, Советская власть тоже аннулировала? — повысил голос «Гусар». — Шутишь! Не было такого - декрета. Мы не помещики и не буржуи, такие же мужики, как ты. И если нам долги перестанут возвращать — по миру пойдём.

— Так что угодно?

«Гусар» был зол, он не мог привыкнуть к такому тону бывшего работника и, ударив по столу кулаком, закричал: — Сегодня же отдашь мне все сполна!

Шанцев и не ждал доброй вести от мироеда. Но он понял, что если сегодня не развяжет е ним, то кулацкая петля снова захлестнет его горло. И решил Шанцев — криком кричать будет, руками и ногами в землю вцепится, а не отдаст своей доли.

— Ну что ж, сегодня так сегодня,— спокойно ответил он.— Последнюю рубаху сниму, колья из плетня повырву, а рассчитаюсь сполна, чтобы не видеть больше твою поганую рожу.

«Гусар» побагровел.

— Вот ты как заговорил! Осмелели вы нынче. Но рано! Молодцы Шершнева давно охотятся за такими, как ты. Да и война еще не кончилась. А вдруг наши вернутся?

Он встал.

— Сказать по правде, я приходил прощупать тебя — годный ли ты еще работник. Но теперь мне твоя физиономия видна. И посему,— повысил он голос,— пойдём в сарай за инвентарем, что от меня получил. Я ведь с телегой.

Понурым вернулся в хату Тимофей. Он снова стал нищим. Ни зернышка не осталось в его сарае. Пришлось за долг отдать и кур и даже корову. А что даст земля, когда ее нечем обработать?

Наутро стала ясна общая картина. Кулаки за ночь обобрали всех мужиков. И снова нищета постучалась в их хаты.

В полдень к низенькому домику Тихона Шанцева потянулись хуторяне.

— Что делать дальше? Снова батрачить?

Тихон Федосеевич поделился с крестьянами своими мыслями, что он придумал бессонной ночью. И таким дерзким был его план, что мужики сначала наотрез от него отказались. Шанцев предлагал объединиться в ком-

муну.

— Поодиночке мы не в силах обработать землю. А сложим, что у кого осталось из инвентаря, поскребем в сараях посевное зерно, глядишь — и выйдем из беды.

— Сказка! — крикнул Андрей Мартыненко.— Тут, голытьба собралась, да еще обобранная. Ничего мы не насоберем!

— А про ревком забыли? Он же коммунарам и инвентарь даст, и зерном поможет!

Не один раз собирались первомайцы, да ничего решить не могли. На одно из собраний приехал член станичного ревкома коммунист Василий Кольшшин.

— Слышал я, что случилось на вашем хуторе. Взяло вас кулачье за горло. А вы не сдаетесь. И правильно! Не выходите на кулацкое поле — пусть они подавятся землей. А вам один путь — коммуна!

Спорили с ним, возражали крестьяне. Но Василий видел, что они ждут от него, представителя власти, доказательств в пользу коммуны.

— Забыли вы, мужики, при какой власти живете. Она никогда не оставит в нужде бедняка. Вот, слушайте, какая будет коммуне помощь от ревкома.— Кольшшин вытащил из кармана сложенный гармошкой лист и начал читать,— Два однолемешных плуга, один однолемешный букарь, одна сноповязалка, две телеги с лошадьми, а в телегах — хлеб. Может быть, ревком достанет сеялку — и она тогда будет у коммуны.

— И что за это ревком потребует?

— Ничего.

— Брось брехать,— зашумели крестьяне.— Распишемся за инвентарь — век ревкому не отработаем!

— Эх же, неверы! — не выдержал и вскочил с места Тихон Шанцев.— Бесплатно, задаром нам все отдают! Я в ревкоме выяснил! Советская власть против кулака, вот и вооружает она нас на борьбу с ним.

Порешили на этом собрании

жители хутора Майского объединиться в коммуны. Всего вошло в нее двадцать три двора. По уговору они собрали в одно место весь инвентарь, что нашелся на бедняцких дворах, свели рабочий скот, птицу, затем собрали зерно и муку и ссыпали в общий амбар.

Приехал землемер и нарезал коммунарам лучшую землю. Все их участки свел в один. Получилось широкое поле в сотни десятин. Скоро на хутор прибыли телеги с хлебом — помощь неимущим.

Партийные получили пять винтовок — для обороны от бандитов.

И зажили коммунары. В поле открыли столовую. Обедали все вместе. Детей отвели в детприемник, а ребят постарше отправили в школу.

Постепенно привыкли к тому, что работают они не на себя лично, а на коммуны. Соберутся утром перед домом Шанцева, поговорят, закинут за плечи косы да грабли — и с песней в поле. Работают дружно, не ленясь, а в полдень садятся, под навес обедать. И не в диковинку стало коммунарам, что то и дело приезжают к ним, будто случайно, мужики из окрестных хуторов. Ничего не утаивают от гостей, рассказывают все. А поделиться коммунарам было чем. В голодный 1921 год их только и спасла взаимопомощь. Правда, не все верили в коммуны — семьи Антона Петрова и Трофима Гольцева вышли из нее. Но остальные сплотились и работали без оглядки на тех, кто свалился от голода. Работали и за них. И выдюжили. Победили голод. А летом 1922 года собрали богатый урожай.

Потому и любопытствовали станичники, а подчас и завидовали. Лишь станичные богатеи злобствовали. Еще бы, «наброд», как они презрительно именовали иногородних, поселились на исконной казачьей земле и ведут себя как равноправные. Но ничего, придет наш срок, напомним тем, у кого память коротка, как занимать казачью землю.

И действовали: то запустят скот на покосный участок коммуны, то амбар

спалят. А от угроз отбою не было. Бандиты Шершнева нередко подъезжали в поле к коммунарам и, грозясь, требовали убраться с казачьей земли.

— Наша теперь земля,— возражали мужики.

— Ваша будет, когда в нее ляжете! — злобно кричали шершневцы.

Особенно свирепствовал бандит по прозвищу Колосок. Он выхватывал из ножен саблю, готовый «рубать мужичье». Но его останавливали другие: «Не время еще. Нехай поживут!».

А успехи коммуны все больше убеждали станичников, что коллективом жить легче. И хотя коммуна была маленьким и слабым ростком новой, коллективной жизни, под ее влиянием в станице Григорополисской в 1923 году возникает сельскохозяйственное товарищество «Культурный хлебороб», а на одном из соседних хуторов — коммуна Иммануиловская.

Утро 9 июня 1924 года выдалось погожим.

Как всегда, в поле вышли все — и мужчины, и женщины, и подростки, и старики. Тихон Шанцев работал вместе с женой и сыном. С отцовской гордостью поглядывал он, как ловко орудует косою его Глеб.

— А что, Тихон,— окликнул его Захар Ходулин,— сена хватит на зиму, а?

Шанцев остановился, вытер пот со лба и посмотрел вперед. Далеко вдаль уходил золотой массив.

— Будет жить коммуна!

И внезапно увидел верховых,двигающихся прямо к косарям. О том, что это могут быть бандиты — он не подумал. А жаль. Он бы успел сбегать в конец покоса за ружьем и окликнуть других. Но сплеховал на этот раз председатель. Когда узнал шершневцев — было поздно. Они подъезжали к нему.

— Ну, здравствуй, коммунары! — заорал Колосок с коня.— Как поживаешь?

— Ничего, помаленьку,— ответил Тихон.— Зачем пожаловали?

— Да вот решили

поинтересоваться, на чьей земле работаете? — с издевкой сказал бандит Зайцев, играя узорной кистью плети.

— На своей земле работаем! — твердо ответил Шанцев.

— Чего брешешь! — крикнул Савчук, выхватывая саблю.— Руби их, братва!

Глеб в ужасе бросился к отцу, но страшный удар сабли свалил его на землю.

— Сынок! — лишь успел крикнуть Тихон, и тут же упал под ударом сабли Колоска.

Бандиты носились по полю, рубили и стреляли безоружных людей. Упал Захар Ходулин, в прошлом батрак, который так мечтал увидеть мужицкое счастье. А там пуля свалила Андрея Сипко...

Двадцать четыре окровавленных трупа оставили бандиты на покосе.

— Вот вам и земля, и равноправие! — проревел Колосок замершим от ужаса женщинам.— Вот вам и коммуна! Со всеми так будет!..

Страшная весть о расправе над коммунарами быстро разнеслась по окрестным хуторам и станицам. Проститься с первомайцами приехали и бедные казаки. И это было безмолвной клятвой бедноты стоять насмерть, до полной победы над классовыми врагами.

12 июня 1924 года отряд Армавирского ОГПУ и милиции станицы Григорополисской выехали на поиски банды. Шершневы, как всегда, расставили мелкими группами по кулацким хуторам. Но на этот раз, возмущенные зверством бандитов, крестьяне помогли красному отряду полностью ликвидировать банду.

А коммуна все-таки продолжала жить. Она пополнилась новыми членами из окрестных хуторов и станицы. Ей помог инвентарем волостной Совет.

В 1926 году на полях коммуны впервые зарокотал трактор. И пусть не их собственный, а присланный по договору машинным товариществом, все равно он вызывал восторг и зависть единоличников.

Душой создания новой жизни были коммунисты и комсомольцы. К 1930 году в станичной ячейке, в которую влились коммунисты коммуны «Красный труд» и хутора Фельдмаршальского, было уже сорок членов партии и шестьдесят комсомольцев. Среди них — Василий Колышкин, Дарья Фоменко, Виктор Зеленский, Софья Булина, Елизавета Демина, Василий Милютин и другие. Они и сейчас не порывают связи со станицей.

— Даже как-то странно вспоминать,— признается Василий Васильевич Колышкин,— что мы когда-то ходили по дворам станичников, уговаривая их вступать в колхоз. И ругань мы слышали в ответ, и собак на нас натравливали. А теперь наш колхоз каждый год получает уйму заявлений со стороны с просьбой принять в коллектив. И мы строго разбираем эти заявления, принимаем самых достойных. А каждому принятому в колхоз «Россия» мы рассказываем его историю, чтобы дорожили землей, политой кровью братьев, отцов и дедов. И всякий раз свое слово мы начинаем с коммуны «Красный труд».

Колхоз «Россия» — преемник коммуны, объединяет сейчас более двух тысяч дворов, свыше трех тысяч взрослых трудоспособных колхозников. Он имеет большой тракторный парк, берут самолеты для внесения химических удобрений на поля и борьбы с вредителями, имеет сотни грузовых автомашин.

Спросите любого из «России» — гордишься ли ты своим колхозом? И он ответит:

— Да, горжусь!

И это заслуженная гордость.